

Глава первая

Новый год, 1823

После новогоднего бала у Кавендиш-Мэтьюзов Эдриан Эндрю Деа, шестой виконт Деа, зарекся иметь дело с женщинами. С него было довольно — как в прямом, так и в переносном смысле.

Придержав на повороте своих вороных коней, Эдриан сделал глоток морозного воздуха и затем выдохнул — его дыхание мгновенно превратилось в пар.

— Вот он. — Кучер Болт, сидя на козлах, мотнул головой в сторону дорожного указателя.

Эдриан кивнул. Хотя уже давно миновал полдень, землю еще не отпустил утренний мороз. Болт, ведя двуколку по дороге на юго-восток, придерживал лошадей, пуская их осторожным шагом.

Несмотря на погоду, Деа был полон решимости продолжать путь. С каждой оставленной позади милей он чувствовал себя лучше, словно тиски, сжимавшие его грудь так давно, что он уже позабыл об этом, наконец-то разжались. Будто упал с его плеч тяжелый груз.

Прошлой ночью к концу бала он был сыт по горло невероятной скукой и немалым отвращением. Если бы существовала корона Первого Любовника Страны, он мог бы полноправно претендовать на нее — да что там, скорее всего, она была бы преподнесена ему на подушке из пурпурного шелка. И несмотря на то что осторожность, абсолютная и непоколебимая, была его девизом на протяжении многих лет, в свет просочилось достаточно слухов о его мастерстве и опыте. Большая часть этих слухов была чистой правдой, что не

оставляло места для сомнений в том, из каких источников появлялась информация. Поэтому среди дам возникло соревнование за право наслаждаться его вниманием, и за последние несколько лет у него не было недостатка в приглашениях в постель.

Что само по себе плохо. И на балу у Кавендиш-Мэтьюзов ситуация лишь ухудшилась.

Преследующие амурные цели леди кружили вокруг Эдриана весь вечер, заставляя его чувствовать себя загнанной в угол жертвой. Такая перемена ролей была ему не по вкусу, ведь в его представлении это *они* были жертвами, а он — охотником. Но в последние дни было совсем иначе. Женщины, которые подкарауливали его, устраивая многочисленные засады, делились на две категории — большинство из них составляли замужние дамы, единственной целью которых было проверить подлинность слухов, чтобы впоследствии заявлять о том, что и у них был подобный опыт. Сии дамы сражались за благосклонность Эдриана с юными девами, желающими поймать его в брачные сети. Их расчетливый взгляд привлекали его титул и деньги, а вовсе не его характер или внешность.

Довольно. *Более* чем довольно. Настало время изменить свою жизнь и увести корабль на глубоководье.

Эдриан усмехнулся. В последние годы его жизнь все более и более мельчала. Сегодня ему исполнилось тридцать. И чего он к этому времени достиг? Ничего. Куда вел его жизненный путь? Эдриан понятия не имел, но был решительно настроен изменить его направление.

В настоящий момент его двуколка катила по дороге, ведущей в Эксетер. Эдриан покинул усадьбу Кавендиш-Мэтьюзов, лежавшую неподалеку от Гластонбери, ранним утром, пока блистательные леди еще нежились в своих постелях. Никто не разделил с ним ложе, что немало озадачило и даже несколько разочаровало общество. Ведь он-то там был, верно? От Деа ожидали, что он, к вящему удовольствию публики, подтвердит свою скандальную репутацию. А публика —

Эдриан знал об этом не понаслышке — бывала очень требовательной.

Ну, теперь они могли требовать чего угодно — больше он в их игры не играет.

Вокруг простиралась тихая сельская местность, пятнистое серо-коричневое полотно. Голые ветви деревьев и участки промерзшей земли контрастировали с покрывавшим землю снегом. Путь был неблизкий, но Эдриан знал дорогу как свои пять пальцев.

Он ехал домой.

Эдриан не был в Беллевере семь лет — с тех самых пор, как похоронил отца. Сейчас дом детства казался ему призраком. Светлые, счастливые воспоминания были омрачены памятью о бесконечных распрях в последние годы жизни отца, который не мог ни принять свободолюбивого духа сына, ни противодействовать ему. Бесплодные попытки направить наследника на путь истинный встречали ожесточенное сопротивление и привели к тому, что отец и сын все больше отдалялись друг от друга. Теперь Эдриан мог признать, что боль от их разрыва была так же сильна, как и возмущение, вызываемое попытками отца держать его в узде и как-то изменить его характер. Отец потерпел неудачу, но, в конце концов, и сам Эдриан тоже. Беллевер стал олицетворением этой неудачи. Деа запер дверь, развернулся и покинул этот дом — дом своих предков, — обрекая его на обветшание.

Настало время вернуться. Время восстановить все, собрать осколки той жизни, что была раньше, и начать все сначала.

И посмотреть, что может получиться на сей раз из этой попытки.

Из всех приглашений, присланных Эдриану на Новый год, он выбрал Кавендиш-Мэтьюзов по той простой причине, что их усадьба была ближе всего по дороге в Дартмор. С самого начала он намеревался, покинув ее, следовать на восток, однако не собирался выезжать именно сегодня — сразу после бала, в первый день нового года.

Но, с другой стороны, можно ли найти более подходящее время, чтобы начать все заново, чем день, когда впереди весь год? К тому же это был день его рождения — начало четвертого десятка его жизни, — и Эдриан мог лишь надеяться на то, что последующие годы будут наполнены бóльшим смыслом. Он ехал, а в голове у него крутились планы, надежды и воспоминания.

Эксетер, а потом и долгий подъем по дороге через болота остались позади, когда Болт наклонился и проревел Эдриану на ухо, перекрикивая шум ветра:

— Не нравится мне это!

До этого момента Эдриан не смотрел на дорогу, но сейчас поднял глаза и чертыхнулся, шумно выдохнув. Тяжелые тучи клубились впереди, закрывая горизонт, призрачная серо-белая мгла заволакивала небо. И Эдриан, и Болт родились и выросли в Дартморе, и оба знали, что им предстоит.

— Черт!

Эдриан встревожился. Их двуколка уже повернула к Вилдеркомбу, небольшой деревне, за которой находился Беллевер, и сейчас была равно удалена от четырех небольших селений. У путников не было шансов отыскать укрытие где-нибудь еще.

— Ничего, придется ехать дальше.

— Ага. — Болт поежился от ветра. — И молиться.

И они молились. Оба. Они знали, какими коварными бывают болота, особенно зимой. Снег покрывал их все более толстым слоем, мела метель, и отыскать дорогу становилось все труднее. Тучи опускались ниже, закрывая свет. Похолодало.

Эдриан сосредоточился на том, чтобы вести вороных прямо. Он старался не терять дороги в этой белой метели, вглядываясь вдаль в поисках каких-либо ориентиров. Холод пробирал до костей. Эдриан даже сквозь теплый плащ чувствовал леденящие касания ветра. Он не носил шапки, и его голова была покрыта снегом, за что Деа был почти благодарен — хоть какая-то защита от мороза.

Они погибнут, если не отыщут убежища, но до Маллард-Коттеджа, расположенного на окраине Видеркомба, было еще более мили. Лошади еле ползли, но, несмотря на огромное желание подгонять их, Эдриан сдерживался — если они собьются с дороги, это будет означать верную смерть. Единственным выходом было продолжать ползти вперед — и молиться.

Когда они наконец разглядели на горизонте крыши Видеркомба-на-Болоте, едва различимые сквозь снегопад, Эдриан не смог сдержать вздох облегчения. Дальше дорога шла под уклон, и он разглядел пару невысоких каменных стен, отмечающих безопасный путь. Теперь надо было просто ехать — и не сбиться с этого пути.

Было бы куда проще идти пешком, но руки Эдриана, даже несмотря на кожаные перчатки, буквально примерзли к вожжам, ставшим тяжелыми от налипшего снега. С каждой минутой лошади слабели. И Болт уже давно перестал разговаривать. Переведя дух, Эдриан пустил лошадей под уклон.

Обе лошади были объезженными и опытными, да и подковали их совсем недавно. Чуть придержавая их, Эдриан позволил животным самим выбирать путь вниз. Каждый фут казался милей, каждый ярд — вечностью, но все же они медленно двигались под уклон.

Внизу дорогу пересекал мелкий ручей, который нужно было переходить вброд. Едва лошади вышли на ровную поверхность, как Эдриан повел их туда, где, насколько он помнил, находился этот брод.

Лишь в последнее мгновение, вглядываясь вперед сквозь кружащий снег, он понял, что ошибся.

Экипаж накренился, его колеса заскользили по обледенелым камням. Тишину разорвал громкий треск. Лошади заржали и дернулись вперед, поворачивая двуколку боком.

— Болт! Прыгай! — Эдриан держал поводья до последнего момента, а затем и сам спрыгнул с переворачивающегося экипажа.

Он приземлился в сугроб.